

Айрис, со своей стороны, казалось, твердо решила отвлечься от личных вопросов и вернуться к предполагаемому предмету этого неожиданного разговора. -С точки зрения того, что вам нужно сделать для вашей дипломной работы ... — начала она.

Но Деймон был так увлечен ее односложным ответом на его жгучий вопрос, что почувствовал, что не может контролировать свои действия.

- О Боже, мэм!- воскликнул он, падая перед ней на колени и быстрым движением бедер отодвигая кофейный столик в сторону. Когда она в ужасе посмотрела на него сверху вниз, он обхватил руками ее бедра и уткнулся лицом ей в колени. -Мэм, вы просто такая замечательная выв просто самое божественное создание, которое я когда-либо видел! Я так сильно хочу вас, мэм, правда хочу!"

И он начал плакать.

Айрис была настолько ошеломлена, что на мгновение ей показалось, что все это ей снится. Все виды эмоций удивление, тревога, недоумение и, возможно, даже немного гордости—просачивались через ее разум, делая ее неспособной действовать. Все, что она могла сделать, это нежно положить руку на затылок бедного мальчика, бормоча: "Деймон, ты не должен . . ."

Но Дэймон теперь полностью уступил сдерживаемым эмоциям, почти был в агонии и крепче сжимал живот Айрис. Его руки обвились вокруг ее талии, и он еще глубже зарылся лицом в плотную ткань ее юбки. Его действия заставили ее раздвинуть ноги, и теперь его голова и торс не давали им сомкнуться. Юбка задралась еще выше, до середины бедер.

Айрис была одной из тех женщин—а их много—которые не могут заставить себя предпринять решительные действия, даже если обстоятельства того требуют. Она знала, что должна заставить этого мальчика отпустить ее тело и особенно оторвать его лицо от того места, где оно было. Ну, это почти так же, как если бы он был там . . . Но она не позволила себе закончить эту мысль.

Вместо этого она попыталась поднять его голову обеими руками, но врожденная деликатность помешала ей сделать многое в этом направлении. Как бы то ни было, сейчас он терся лицом о юбку, и она даже чувствовала, как несколько слезинок прилипло к ткани.

Деймон же, со своей стороны, нисколько не стыдился своей эмоциональной вспышки. Он не разделял нелепого мнения о том, что только женщинам позволено плакать, а также считал, что мужчинам необходимо быть более открытыми в выражении своих эмоций. Но его вспышка заставила все его чувства обостриться-и одно чувство в частности.

Ибо, продолжая прятать голову на коленях Айрис, он уловил отчетливый аромат—который некоторые сочли бы едким, но который он всегда считал пьянящим и вдохновляющим.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, он убрал руки с ее талии и ловким движением задрал юбку еще выше на бедрах. Теперь он мог видеть ее бежевые хлопчатобумажные трусики, и ему не потребовалось много усилий, чтобы почувствовать влагу, покрывавшую их.

И потому самым естественным было оторвать их от промежности Айрис, обнажив постоянно увлажняющуюся щель, окруженную тонкими черными волосками, которые сами сочились ее соком. А когда Деймон высунул язык и впервые прикоснулся к ее розовым губам, он услышал глубокий стон ирис, который заставил его облизать всю область, включая набухший клитор.

Он понимал, что совершает возмутительные вольности, но был готов продолжать, пока Айрис не заставит его отвернуться. Но она сделала нечто совсем другое. Когда она издала ряд стонов, мяуканий, стонов и других звуков удовольствия, она взяла подол юбки в свои руки и накрыла всю голову Деймона, как будто ее неспособность видеть то, что он делал, могла каким-то образом перевести в неспособность чувствовать его различные действия. Но единственным результатом ее отчаянного поступка было то, что он еще теснее прижался лицом к ее влажному лону, и звуки, исходившие из ее горла, становились все более возбужденными.

Деймон пожалел, что не может схватить Айрис за задницу, потому что мало что ему нравилось больше, чем массировать ягодицы женщины, одновременно стимулируя ее; но ее сидячее положение делало это почти невозможным. На самом деле, бедра Айрис бесконтрольно извивались, когда Деймон продолжил, и особенно острый стон раздался, когда он смело вставил свой язык так далеко, как он мог бы войти в ее киску.

Затем, раньше, чем он ожидал, Ирис разразилась протяжным гортанным криком, который возвестил о том, что она достигла вершины экстаза. Но Деймон еще не закончил; когда Айрис судорожно схватила его голову за юбку, удерживая ее на месте, он продолжал лизать и сосать, пока наконец она, казалось, не смогла больше этого выносить. Только тогда она наконец оттолкнула его от своего паха, и он немного неуклюже приземлился на свою задницу, когда посмотрел на нее.

Ее лицо было ярко-малиновым, как будто у нее была лихорадка, и обычный меланхолический взгляд уступил место какой-то ошеломленной растерянности- широко раскрытые глаза смотрели в пространство, влажные губы слегка приоткрылись, а тело все еще содрогалось от неожиданного оргазма. Ее грудь тяжело вздымалась, и ей потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя.

Она посмотрела вниз на Деймона, облизнула губы и сказала: Это было очень неприлично."

Деймон натянуто улыбнулся. Это был уже второй раз, когда кто-то использовал слово "непослушный" в его присутствии сегодня. -Ты хочешь сказать, что тебе это не понравилось?- поддразнил он ее.

Она покачала головой, одновременно отрицая и как бы стяхивая с себя паутину. - Дело не в этом. Это было ... это было неправильно."

- Мне очень жаль, - сказал он, искренне переживая, что не угодил своей возлюбленной. Теперь он стоял прямо перед ней.

Он был так высок, что теперь нависал над ней. Сначала она вытянула шею, чтобы посмотреть ему в лицо, но затем ее голова вернулась в нормальное положение, и она уставилась прямо на его пах. Он был одет только в пару тонких докеров, и область, на которую она смотрела, была немного искажена.

Как будто она никогда не видела ничего подобного. Она слегка нахмурилась и, не поднимая на него глаз, сказала самым неуверенным голосом: "Я полагаю, вы хотели бы ... получить свою часть удовольствия?"

Это был единственный стимул, в котором он нуждался. Он сразу же начал раздеваться догола, сбросил футболку, расстегнул брюки, бросил их на пол и вышел из нижнего белья. Он действительно оставил свои носки, но это все, что он теперь носил. Все это произошло меньше чем за минуту.

Надо сказать, что Деймон был в некотором роде эксгибиционистом. Или, скорее, следует сказать, что он гордился своим телом—его многочисленные партнерши ясно дали понять, что у него были все основания для этого,—и он также не испытывал глупых угрызений совести, показывая себя, когда представилась такая возможность. Он ясно чувствовал, что это был один из таких случаев.

Но Айрис умоляла не соглашаться. -Тебе не нужно снимать всю свою одежду!- сказала она с крайней тревогой.

Но он уже выполнил свою работу. - Конечно, знаю. Мужчины устраивают беспорядок, как вы знаете."

Его щекотало, что у Айрис отвисла челюсть, когда она оглядела его обнаженную фигуру с головы до ног. Здесь было чем восхищаться, и ее пристальный взгляд не удивительно сосредоточился на стержне плоти, нервов и хрящей, который выступал из его паха, уже так сильно, что он стоял почти прямо.Ф

<http://erolate.com/book/879/19807>